

**“*Gaudet Mundus noster lactari mendaceis*”:
И.Ф. Брейне, Д.Г. Мессершмидт и загадочный *Agnus Scythicus***

В. ЛЕФЕЛЬДТ¹, Л.Д. БОНДАРЬ²

¹ Гёттингенская академия наук, Гёттинген, Германия; w.lehfeldt@t-online.de

² Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук,
Санкт-Петербург, Россия; archive@spbrc.nw.ru

В статье рассмотрен миф о растении, получившем к XVII в. название *Agnus Scythicus*, или «баранец» («борамец»). Миф был привезён в Европу путешественниками, посетившими в XVI в. русские (поволжские) земли. По первым описаниям хорошо узнаётся арбуз, не имевший тогда ещё в Европе широкого распространения. Постепенно рассказ о баранце обрстал новыми подробностями, искажившими исходную версию. Увеличивающееся число естественнонаучных трудов, представлявших в том числе описания вновь открытых для Европы экзотических растений, ещё более усложнили мифологему, так что к началу XVIII в. этот «вид» всё чаще стал трактоваться как абсолютный вымысел. Для подкрепления рассказов об удивительном растении со временем авторы стали предлагать его изображения, а затем в музейных коллекциях Европы начали появляться также и экспонаты — псевдообразцы «вида» *Agnus Scythicus* (в литературе описаны как минимум два таких случая — Г. Слоаном и И.Ф. Брейне), правда, моментально уличённые в фальшивости и И.Ф. Брейне, и Д. Г. Мессершмидт оказались в числе исследователей этого «вида»; они приняли участие в его изучении, а Д.Г. Мессершмидт отчасти и в поиске загадочного «скифского агнца», но пришли к заключению о сказочности рассказа о нём и несостоятельности попыток представить в коллекциях «натуралий» образцы *Agnus Scythicus*.

Ключевые слова: *Agnus Scythicus*, баранец, Иоганн Филипп Брейне, Даниэль Готлиб Мессершмидт.

Работа Л.Д. Бондарь выполнена в рамках проекта РФФИ № 20-011-42010.

В 1726 г. увидело свет небольшое исследование — «*Dissertatiuncula de Agno Vegetabili Scythico, Borametz vulgo dicto*». Публикация появилась в авторитетном журнале Лондонского королевского общества «*Philosophical Transactions*», а автором её был известный в научных кругах Европы немецкий естествоиспытатель из Данцига, основатель и хозяин музея естественноисторических коллекций Иоганн

Филипп Брейне (Брейн) (Johann Philipp Breyne; 1680–1764) (Breynius, 1726). Объект, которому посвящена «dissertatiuncula» И.Ф. Брейне, — некое загадочное животное-растение, получившее в специальной литературе наименование *Agnus Scythicus*, т. е. «скифский агнец».

В XVI–XVII вв. этот «агнец» был объектом довольно активного обсуждения в специальной литературе. Почему же И.Ф. Брейне счёл уместным приумножить литературу по этому вопросу? Причина указана в самой статье: «<...> Около трех лет назад некий муж, эрудированный и любознательный, совершая путь из России и проезжая через наш город, обогатил мою коллекцию, среди прочих натуралий, неким агнцем, как он утверждал, скифским, которого пытался выдать за подлинного *Borometz*, или великое *Κεμήλιον* [сокровище]»¹ (Breynius, 1726, p. 358). Очевидно, именно это поступление в коллекцию и заставило И.Ф. Брейне заняться изучением загадочного представителя живой природы, чтобы осуществить «экспертизу» своего нового экспоната.

Судя по цитированию, И.Ф. Брейне ознакомился с работами всех главных на то время авторитетов в этом вопросе. К началу XVIII в. в специальной литературе сложилось вполне определённое мнение об этом загадочном объекте, восходящее к описанию австрийского дипломата, дважды (в 1517 и 1526 гг.) посетившего Русское государство, — Сигизмунда фон Герберштейна (*Siegmund Freiherr von Herberstein*; 1486–1566)². В своей книге «*Regum Moscoviticarum Commentarii*» («Записки о московских делах»), вышедшей первым изданием в 1549 г.³, С. Герберштейн пишет:

Между реками Волгой и Яиком, около Каспийского моря, жили некогда заволжские цари <...>. Димитрий Данилович, муж важный и достойный всяческого доверия, насколько это возможно у варваров, рассказывал нам про удивительную и едва ли возможную вещь, (встречающуюся) у этих татар. Его отец некогда был послан <...> к заволжскому царю, время этого посольства он видел <...> некое семя, [в общем очень похожее на семя дыни, только]⁴ немного крупнее и круглее. [Если его зарыть в землю, то] из него вырастет нечто, весьма походящее на ягненка, в пять пядей высотой; на их языке это называется «баранец»⁵, что значит «ягненок», ибо у него голова, глаза, уши и все прочее, как у новорожденного ягненка, а кроме того, еще нежнейшая шкурка, которую употребляют <...> на подкладки для шапок; многие утверждали в нашем присутствии, что выдывали такие шкурки. Он рассказывал также, что у этого растения, если только можно назвать его растением, есть и кровь, но мяса нет, а вместо мяса какое-то вещество, весьма напоминающее мясо раков. Далее, копыта у него не из рога,

¹ Цитаты из латинских и немецких работ представлены в переводах авторов статьи, за исключением случаев использования опубликованных переводов, что указывается в ссылках.

² И.Ф. Брейне вслед за предшественниками среди первых авторов, затрагивавших эту тему, называет армянского монаха-историографа, жившего в XIII — начале XIV вв., Хейтона. Однако в его работе, посвящённой политической и социальной истории земель, обозначенных автором как татарские, описание интересующего нас растения отсутствует (Haithonus Armenus, 1555).

³ Работа претерпела несколько изданий. В 2008 г. вышел русский перевод; в книге помещены также тексты латинского (1556 г.) и немецкого (1557 г.) изданий, опубликованные Г. Байер-Тома в 2007 г. (Герберштейн, 2008, с. 5–6).

⁴ Скобки издателей.

⁵ В латинском оригинале — *Boranetz* (Herberstein, 1549; цит. по: Герберштейн, 2008, с. 438).

как у ягненка, а покрыты чем-то вроде волос и похожи на роговые. Корень его идет к пупку, т. е. посредине живота. Живет оно до тех пор, пока не съест вокруг себя траву. Это растение на удивление сладко, почему за ним охотятся волки и прочие хищные звери (Herberstein, 1549; цит. по: Герберштейн, 2008, с. 439).

Описание С. Герберштейна повторяли позднейшие авторы; в XVI в. это были немецкий католический агиограф, монах Лаврентий Сурий (нем. *Laurentius Surius*; лат. *Laurentius Surius*; 1522–1578)⁶ и итало-французский натуралист и филолог Юлий Цезарь Скалигер (фр. *Jules César Scaliger*, лат. *Julius Caesar Scaliger*, настоящее имя — Джулио Бордон, ит. *Giulio Bordon*; 1484–1558).

Именно Скалигер стал для И.Ф. Брейне первоисточником описания этого растения⁷. По описанию Скалигера, этот «удивительный татарский плод», который родится в Заволжье, вырастает из посаженного в землю семени, похожего на дынное, но менее продолговатого. Появившееся растение называют *Borametz*⁸, т. е. агнец, поскольку оно вырастает в форме ягнёнка — размером почти до трёх футов. Плод похож на ягнёнка всем: ногами, копытами, ушами, всей головой, кроме рогов; вместо рогов растут волосы, в виде одиночного рога. К тому же плод покрыт тончайшей шкурой, которую местную жители используют для головных уборов. Как узнал Скалигер, внутренняя мякоть напоминает мясо омара, а из нанесённых ран вытекает жидкость, похожая на кровь; это мясо приятно на вкус. Корень выходит из земли вплоть до пупка. Живёт этот плод до тех пор, пока вокруг него есть трава, как агнец на пастбище; как только всю траву съедает, он чахнет и даже умирает. Удивительным Скалигер считает то, что этот плод привлекателен для волков, но (в отличие от сообщения С. Герберштейна) не для других хищных животных (Scaliger, 1576, p. 596–597).

Так сложился образ «скифского агнца» — с плодом, в целом напоминающим арбуз, который для Западной Европы оставался экзотическим растением вплоть до XVII в. Так, и итальянский врач и философ Фортуньо Личети (Лицети) (ит. *Fortunio Liceti*, лат. *Fortunius Licetus*; 1577–1657) пишет, что слышал «от человека, весьма достойного доверия», что существуют «большие тыквы, которые, созревая, раскрываются, а внутри них находится животное в виде крошечного ягненка»; эти растения он так и называет — *Pepones agniferi* («Тыквы, приносящие агнцев») (Licetus, 1618, p. 234).

⁶ Л. Сурий называет это животное-растение «*Agnus e terra nascitur*» («агнец, рождающийся из земли») и фактически повторяет слова С. Герберштейна, завершая описание словами: «Есть ли что сложное для всемогущего Господа? Кому подобает прославление в делах его» (Surius, 1568, p. 62).

⁷ Имя С. Герберштейна было И.Ф. Брейне знакомо и названо им среди авторов, писавших о «баранце», но он считал, что позднейшие исследователи пользовались описанием именно Скалигера (Breynius, 1726, p. 355).

⁸ Употребленное С. Герберштейном название *Borametz* у Скалигера искажилось до *Borametz*; относительно корректная форма будет восстановлена в работах позднее вместе с объяснением европейскому читателю значения этого названия, происходящего от русского «баран» (см. ниже: Struys, 1676; цит. по: Стрейс, 1935, с. 195). И.Ф. Брейне (Breynius, 1726, p. 356), вслед за Энгельбертом Кемпфером (Engelbert Kämpfer; 1651–1716) (Kaempfer, 1712, p. 505–508), расширил этимологию, упоминая польское *baranek* с тем же значением — «агнец, барашек».

Однако уже в начале XVII в. появился другой образ; тон, очевидно, был задан французским ботаником Клодом Дюре (*Claude Duret*; ок. 1570–1611), он же в названии «вида» добавил определение «скифский»⁹ и классифицировал его как зоофит — животное-растение, что подчеркнул в названии соответствующего раздела (Duret, 1605, p. 322–341): «Des Boramets de Scythie ou Tartarie, vrais Zoophytes ou Plent-Animaux, c'est à dire, Plantes viuentes, et sensitiues comme les animaux». К. Дюре очень тщательно разобрал (с переводом на французский язык в случае необходимости) все появившиеся к его времени упоминания о баранце, начав с представлений о зоофитах, восходящих к иудейской традиции. Далее, кроме свидетельств упомянутых выше путешественников — С. Герберштейна и Скалигера, в работе К. Дюре можно найти цитаты и интерпретацию сведений из работ: английского путешественника XIV в. Джона Мандевиля (*John Mandeville*)¹⁰; итальянского врача, математика и философа Джероламо Кардано (лат. *Hieronymus Cardanus*, итал. *Girolamo Cardano*; 1501–1576), писавшего об этом растении в опубликованной в 1557 г. работе «De rerum varietate»; французского философа-мистика Гийома Постеля (*Guillaume Postel*; 1510–1580); французского дипломата Блеза де Виженера (*Blaise de Vigenère*; 1523–1596); итальянского врача Джамбаттиста делла Порты (*Giambattista della Porta*; 1535–1615); также К. Дюре опубликовал стихотворение Гийома де Салюста (*Guillaume de Saluste, seigneur du Bartas*; 1544–1590), в котором упоминается о загадочном «агнце». Кроме того, К. Дюре предложил предполагаемое изображение этого зоофита (рис. 1)¹¹: понимая буквально слова о том, что плод похож на ягненка и что выходящий из земли корень подобен пуповине, он «поднял» баранца над землёй на толстом стебле. Очевидно, на такую интерпретацию повлияло употребление С. Герберштейном и Скалигером слова «высота» (*altitudo*) при описании размеров «агнца». Так закрепляется образ зоофита, висящего в воздухе на высоком стебле.

Вслед за К. Дюре аналогичный образ агнца появился на фронтисписе книги английского ботаника и королевского аптекаря Джона Паркинсона (*John Parkinson*; 1567–1650); на многосюжетном рисунке изображены Адам и Ева в райском саду,

⁹ М. Мерво (Мерво, 2001; Mervaud, 2003) пришёл к заключению, что первым латинское название *Agnus Scythicus* ввёл немецкий врач и астроном Антон Дейзинг (лат. *Antonius Deusingius*, нем. *Anton Deusing*; 1612–1666) (*Deusingius*, 1660, p. 598–602).

¹⁰ Автор книги «Приключения сэра Джона Мандевиля», впервые опубликованной в 1499 г.; современное издание — 1900 г. (*Mandeville*, 1900).

¹¹ Рисунок переиздал лионский аптекарь Антуан Колен (*Antoine Colin*), который в «Истории лекарственных средств» опубликовал главу о «скифском агнце» из книги К. Дюре с той же гравюрой (*Colin*, 1619, p. 248–260); завершает издание сонет, озаглавленный «Du Borametz» (p. 262). В качестве самого раннего изображения «агнца» принято считать при этом рисунок Дж. Мандевиля. В своей книге он описал подобие плода, внутри которого, когда его срезали, нашли маленькое животное, с плотью и кровью — ягнёнка без шерсти. Автор утверждал, что он сам его ел, рассказывал о других чудесных деревьях, порождающих живые существа, и удивлялся чудесам Господним (цит. по: *Mandeville*, 1900, p. 174). На рисунке, который воспроизводится в ряде изданий, чудесное растение, порождавшее ягнят, изображено в виде дерева с несколькими ветвями (см., например: *Lee*, 1887, p. 3; рис. 2). О том, что растение *Borametz* имеет ствол, от которого отходят четыре и более ветвей с листьями (что согласуется с рисунком Дж. Мандевиля), пишет испанский иезуит-мистик Хуан Эусебио Ньеремберг (*Juan Eusebio Nieremberg*; 1595–1658) (*Nieremberg*, 1635, p. 34–35).

Рис. 1. Agnus Scythicus по К. Дюре (Duret, 1605, р. 330)
 Fig. 1. Agnus Scythicus according to C. Duret (Duret, 1605, р. 330)

Рис. 2. Agnus Scythicus по Г. Ли (Lee, 1887, р. 3)
 Fig. 2. Agnus Scythicus according to H. Lee (Lee, 1887, р. 3)

а на заднем плане — «агнец» (рис. 3) (Parkinson, 1629)¹². Аналогично представил это животное-растение немецкий учёный монах-иезуит Афанасий Кирхер (*Athanasius Kircher*; 1602–1680), включивший в свой труд, посвящённый явлению магнетизма, небольшое эссе, озаглавленное «De frutice Tartarico Boromez dicto» («О татарском плоде, называемом *Boromez*») (Kircher, 1654, р. 504–505)¹³, где, опустив подробное описание этого «вида», поместил его предполагаемое изображение (рис. 4)¹⁴.

¹² Фронтиспис Дж. Паркинсона воспроизведён также в книге английского натуралиста и обладателя естественнонаучной коллекции Генри Ли (Henry Lee; 1826(?) — 1888) (Lee, 1887, р. 19).

¹³ Первым изданием книга вышла в Риме в 1641 г., затем дважды переиздавалась.

¹⁴ В 1696 г. немецкий математик Иоганн Цан (Johann Zahn; 1641–1707) в своей книге, публикуя повторяющее слова Скалигера описание растения, обозначенного им как *Planta Tartarica Boromez agniformis* («Татарское растение *Boromez* в форме ягненка»), помещает и его изображение (рис. 5), практически аналогичное рисунку А. Кирхера (Zahn, 1696, р. 234–235). Рисунок И. Цана воспроизведён также на фронтисписе книги Г. Ли (Lee, 1887).

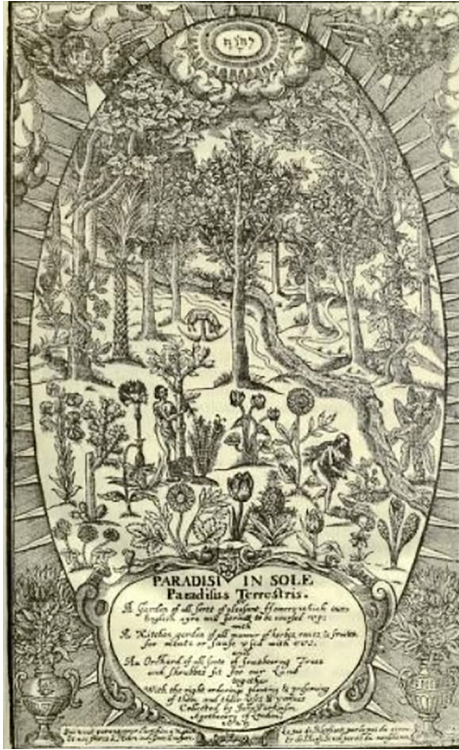

Рис. 3. Agnus Scythicus по Дж. Паркинсону (Parkinson, 1629, фронтиспис)
 Fig. 3. Agnus Scythicus according to J. Parkinson (Parkinson, 1629, frontispiece)

Рис. 4. Agnus Scythicus по А. Кирхеру (Kircher, 1654, р. 504)
 Fig. 4. Agnus Scythicus according to A. Kircher (Kircher, 1654, p. 504)

Рис. 5. *Agnus Scythicus* по И. Цану (Zahn, 1696, p. 234)
 Fig. 5. *Agnus Scythicus* according to J. Zahn (Zahn, 1696, p. 234)

Этому образу следует и один из известных в своё время в Европе обладателей естественнонаучных коллекций, датский натуралист Оле Ворм (*Ole Worm*; 1588–1655). Изучив специальную литературу по этой теме, О. Ворм остановился на описании Скалигера, которое повторил в своей работе с двумя небольшими отличиями; во-первых, у него появилось утверждение о том, что этот плод вовсе не привлекает внимания хищных животных; во-вторых, если Скалигер пишет, что «корень поднимается над землей вплоть до пупка» («*Radicem humo exertam surrigere ad umbilicum usque*») (что не обязательно значит, что он растёт вертикально вверх), то О. Ворм (очевидно, что не без влияния известного ему рисунка А. Кирхера) конкретизирует: «Корень растёт из земли высоко вплоть до пупка» (Wormus, 1655, p. 189–191). Так в описаниях закрепляется образ плода, «возвышающегося над землей».

Аналогичным образом описывает «агнца» и другой путешественник — голландец Ян Янсен Стрэйс (Стрюйс) (*Jan Jansen Struys*; 1630–1694)¹⁵. Рубрика, посвящённая интересующему нас предмету, имеет название «Странный плод в пустыне»:

В этой степи и пустыне растёт баранец (*Boranez* или *Bornitsch*) — плод величиной с тыкву. Внешне напоминает барана с головой, ногами и хвостом, от чего и пошло название: *Boran*

¹⁵ Путешествовал по Русскому государству в конце 1660-х–1670-е гг.; книга с описанием поездки была издана в 1676 г. (Struys, 1676); в 1935 г. вышел комментированный русский перевод (Стрейс, 1935).

по-русски и значит “баран”. Особенно замечательна шкура, покрывающая снаружи это растение, с блестящей белой и очень тонкой, как шелк, шерстью. Эти шкуры высоко ценятся татарами и русскими <...>. <...> Его вид и особенности по описанию очень подходят к тому, что астраханцы рассказывают в следующих словах: он растет на кусте, вышиной в три фута, доходящем до пупа ягненка. Плод поворачивается подобно цветку подсолнечника, так что нагибается к растущим вокруг него травам. Они говорят, что, если трава вокруг засыхает, растение, потеряв свою пищу, увядает; но я охотно поверил, что оно обычным для всех растений путем в свое время расцветает и увядает, хотя астраханцы свято клянутся, что вышеописанное увядание и гибель происходят не только, когда засыхают травы, а также когда их косят и убирают зелеными. Кроме того передают, что волки очень любят этот баранец и что у него есть мясо, кровь и ноги <...> (Struys, 1676; цит. по: Стрейс, 1935, с. 195–196).

Хотя в специальной литературе (Стрейс, 1935, с. 33) закреплено мнение о том, что при написании своей книги Я.Я. Стрейс опирался на вышедший десятилетием ранее труд другого путешественника — известного немецкого учёного Адама Олеария (лат. *Adam Olearius*, настоящее немецкое имя *Adam Oehlschlegel (Ölschläger)*; 1599–1671)¹⁶, всё же более раннее описание скифского агнца, составленное немецким путешественником, отличается, согласуясь в целом со словами Скалигера:

Сообщают также, что здесь — за Самарой, между реками Волга и Дон — должен расти редкий вид дыни, или скорее тыквы, который по величине и форме напоминает другие дыни, но по внешнему виду похож на ягненка, члены которого довольно четко очерчены, потому русские называют его также *Boranetz* — ягненок. Стебель, как пуповина; и куда плод обращается (т. к. во время роста может менять свое место), засыхает трава, которую он поедает. Когда он вызревает, засыхает и стебель, а плод обретает дымчатый мех, как у агнца, который (как они говорят) нужно дубить и можно готовить к использованию против холода (*Olearius*, 1663, S. 155).

По-немецки этот плод А. Олеарий называет *Schaffs-Melone* (овечья дыня). Очевидно, А. Олеарий пользовался и другими (кроме Скалигера) источниками, так как добавляет информацию о способности баранца менять своё местонахождение. Работу Скалигера А. Олеарий, безусловно, знал (ссылается на неё) и её данные использовал, в частности, сравнивая с ягнёнком на лугу: «Сколь долго есть вокруг него трава, столь долго стоять он и будет в полном росте, как ягненок на лугу. При недостатке этого он гибнет». Доверяет также сообщению о том, что «только волки, но не другие звери за этим плодом охотятся, благодаря чему их ловят». Был ли А. Олеарий согласен с образом агнца, созданным К. Дюре и его последователями, не до конца ясно: слова немецкого учёного «Стебель, как пуповина; и куда плод обращается (т. к. во время роста может менять свое место), засыхает трава <...>» можно трактовать двояко; при описании же плода он охотно пользуется образом дыни (*Schaffs-Melone*).

О «баранце» рассказывает ещё один путешественник, побывавший в Русском государстве, — Яков (Яков) Рейтенфельс (Рутфель) (*Jacob Reutenfels*)¹⁷:

¹⁶ Совершал поездки по Русскому государству в 1630-е гг.

¹⁷ Точные годы жизни неизвестны; пребывал в Москве с 1670 по 1673 г. Его русская история вышла первым изданием в 1680 г., репринтное издание осуществлено в 2003 г. (*Reutenfels*,

А между Волгой и Танаисом у самарских племён водится знаменитое овцевидное растение баранец — иные неправильно пишут борамец, — кора которого походит на овечью шкуру; это руно тщательно снимают, и знатные люди обыкновенно подбивают себе им платья и рукавицы, дабы было теплее. Оно обладает такую способностью сушить и согреть, что высушивает всю траву вокруг себя, прежде чем завянет, почему некоторые, плохо осведомлённые, предполагали, что оно обладает разумом и питается близ находящуюся травую (Reutenfels, 1680; цит. по: Рейтенфельс, 1997, с. 381).

Так, постепенно образ «скифского агнца» приобретает всё более сказочный вид¹⁸. Первые свидетельства путешественников вполне могут быть соотнесены с описанием арбуза (включая общую форму, размер, наличие мякоти, напоминающей красно-белое мясо омара/рака, красного сока-крови, наличие «пупка», к которому из земли подходит «пуповина» и т. д.). Миф об имеющейся у плода шерсти мог сформироваться из-за неправильного восприятия местными жителями-информантами произносимого иностранцами названия «баранец», которое они могли соотносить именно с бараном и овечьей шкурой¹⁹; торговцы могли использовать этот миф в своих коммерческих целях — для привлечения внимания к «уникальному» товару. Передаваемые устно и в специальной литературе рассказы об этом чудесном плоде обрастали новыми интерпретациями²⁰, что привело к созданию совершенно сказочного образа растения, на высоком стебле которого висит, прикрепленный через пупок, настоящий барашек, поедающий траву вокруг себя. Очевидно, к этому пришивалась также информация о неизвестных тогда в Европе растениях, «производящих» волокнистое вещество (как хлопчатник), либо покрытых волосками (как некоторые виды папоротника). Разумеется, такой образ порождал дискуссии о реальности существования подобного зоофита.

Лишь немногие из авторов XVI–XVII вв. выражали полное недоверие таким сообщениям²¹. Отметим, что уже С. Герберштейн высказал подобную категоричную оценку, приводя при этом аргумент (который позднее будет повторяться и у других авторов) о том, что подобные рассказы исходили от мужей, достойных доверия²²:

1680); в 1997 г. опубликован русский перевод (Рейтенфельс, 1997). Хотя Я. Рейтенфельс и был в Русском государстве лично, сведения о баранце почерпнул, очевидно, у А. Олеария.

¹⁸ Вместе с тем множатся варианты написания названия, производного от русского «баранец»: Boganetz (С. Герберштейн, А. Олеарий, И.Ф. Брейне), Boganez (Я.Я. Стрёмс), Varannetz (Кемпфер), Varaniz (А. Олеарий), Borametz (Скалигер, И.Ф. Брейне, Э. Кемпфер, О. Ворм), Boramez (А. Кирхер, Т. Браун), Borometz (Э. Кемпфер, С. Дейл), Boromez (И. Цан), Bornitsch (Я.Я. Стрёмс).

¹⁹ Ср. сообщение Дж. Мандевила о том, что внутри растительного плода был ягнёнок без шерсти.

²⁰ Искажение информации могло происходить в том числе из-за недопонимания или неправильной трактовки текстов на иностранных языках.

²¹ Как, например, А. Дейзинг (Deusingius, 1660, р. 598–602).

²² Так, позднее О. Ворм, питая сомнения («удивительное растение, похожее на плод овец, в чем стоит очень сомневаться»), всё же не даёт категоричного отрицательного заключения, так как «его историю изучают мужи, достойные доверия», и ссылается в своём описании на Хейтона, С. Герберштейна, Л. Сурия, Скалигера, Ф. Личети, Э. Ньеремберга, А. Кирхера (Wormus, 1655, р. 189).

Хотя этот рассказ я считаю вымыслом, однако и прежде пересказывал его, так как слышал от людей отнюдь не пустых, и ныне пересказываю тем охотнее, что многоученый муж Вильгельм Постелл²³ рассказывал мне, что он слышал от некоего Михаила, толмача турецкого и арабского языков в Венецианской республике. Этот Михаил видел, как из пределов татарского города Самарканца и прочих стран, которые прилегают с северо-востока к Каспийскому морю до самой Халибонтиды²⁴, привозятся некие нежнейшие шкурки одного растения, растущего в тех краях. У некоторых мусульман есть обычай подшивать их внутрь шапок, чтобы согреть свои бритые головы, а также прикладывать к голой груди. Однако Михаил не видел самого растения и не знает его имени, знает только, что оно зовется там самаркандским и происходит от животного, растущего из земли наподобие растения²⁵. «Так как это не противоречит рассказам других, — говорит Постелл, — то к вящей славе Творца, для которого все возможно, я почти убежден в том, что это не просто выдумка» (Herberstein, 1549; цит. по: Герберштейн, 2008, с. 441).

В большинстве случаев дискуссия сводилась к вопросу о том, к какому царству природы отнести «скифского агнца» — растительному или животному. Приведём лишь несколько примеров. Так, О. Ворм, отстаивая растительную природу «баранца», напоминает, «что есть и другие растения, плоды и цветы которых, напоминают своим видом людей, насекомых, змей, скорпионов, тестикулы, руки, что, однако, не исключает их из числа настоящих растений; даже среди камней можно обнаружить такие, что похожи на разные предметы, зверей, людей, части животных, тем не менее их не исключают из числа камней». Автор перечисляет иные плоды, «наполненные кровавым соком»²⁶, а «шерсть», по напоминанию О. Ворма, имеет трава *Bombax*²⁷ и плоды персика и айвы, кожица которых покрыта белым пушком:

Что растение вокруг себя съедает траву, это потому, что своими корнями забирает у них питание или (если правда, что сообщает Олеарий), если это вид дыни, так как является ползущим видом, то своими широкими листьями и плодом душит все, растущее вокруг. Не противоречат и данные о мякоти, похожей на мясо раков, так как такая же есть у черного винограда, из которого получается вино наподобие крови. <...> Так как плод имеет семена, похожие на дынные, как пишут авторы, то он является видом растения, что кажется очевидным (Wormus, 1655, p. 190).

Отчасти аргументация О. Ворма была заимствована из А. Кирхера (на которого датский натуралист как раз ссылается в своих рассуждениях), что не касается трактовки сообщений о поедании баранцом травы вокруг себя. А. Кирхер объяснял это явление, которому и посвящена его книга, а именно магнетической или электри-

²³ Речь идет о Гийоме (Вильгельме) Постеле — см. выше. В 1554–1555 гг. он находился в Вене, где могли происходить его встречи с С. Герберштейном. К. Дюре, излагая взгляды Г. Постеля, отмечает, что он первый, кто дал описание по-французски (Duret, 1605, p. 337).

²⁴ Местность, населённая халибами, на побережье Чёрного моря.

²⁵ Именно это описание могло бы относиться к хлопчатнику.

²⁶ Приводит латинские номенклатурные названия своего времени: *Lapathum sanguineum*, *Mala Punica*, *Sanguis Draconis*.

²⁷ Бомбаксовые являются сегодня подсемейством мальвовых, общей характеристикой которых является наличие волосиков вдоль стебля и листьев.

ческой силой растений (Kircher, 1654, p. 505). Другое объяснение «поедания травы» предложил Я. Рейтенфельс: «Оно [растение] обладает такую способностью сушить и согревать, что высушивает всю траву вокруг себя, прежде чем завянет, почему некоторые, плохо осведомлённые, предполагали, что оно обладает разумом и питается близ находящеюся травой» (Reutenfels, 1680; цит. по: Рейтенфельс, 1997, с. 381).

Целый ряд авторов (К. Дюре, Ф. Личети, Х. Э. Ньеремберг) выстраивали доказательства существования видов, находящихся на границе царства растений и животных, названных зоофитами (*Zoophyta*)²⁸, что подпитывалось, в частности, различными сообщениями о деревьях, рождающих животных; «скифского агнца» эти авторы склонны были причислять именно к этому «переходному» классу. Дискуссия, развернувшаяся в XVII в. вокруг этого вопроса, исчерпывающе представлена в статье М. Мерво (Mervaud, 2003)²⁹. Добавим только, что часто в качестве решающего аргумента в вопросе реальности существования баранца выдвигалось свидетельство о том, что кто-либо лично видел шкуру этого растения/зоофита.

Об обладании образцом такого меха пишет О. Ворм, получивший его (вместе с рассказом об *Agnus Scythicus*) от путешественника, вернувшегося из поездки в русские земли. «Кусочек его кожи, который имею, — уточняет О. Ворм, — длиною в полфута, шириною в три дюйма, покрыт шерстью нежнейшей и вьющейся, частично черного, частично белого, частично рыжего цвета» (Wormus, 1655, p. 189). А. Олеарий также сообщает: «Нам в Московии показывали кусочки от такой шкуры, которые были оторваны от покрывала, утверждая, что это от дыней-баранцов (*Baraniz Melonen*). Он был нежный и с волнистой шерстью, как мех ягненка, который или из утробы матери вырезан, или очень молодой» (Olearius, 1663, p. 155). Я. Стрэйс пишет об этом следующим образом: «<...> я сам видел такие в продаже и узнал о них. Такую шкуру можно видеть в Амстердаме в доме господина Яна Якобса Сваммердама (Sr. Ian Iacobsa Swammerdam)³⁰, знаменитого любителя всех замечательных чужестранных редкостей, какие можно добыть и получить из других земель. Эта шкура досталась ему от одного боцмана, который попал в рабство в Китае, нашел там баранец и сшил себе из него одежду» (Struys, 1676; цит. по: Стрейс, 1935, с. 195).

²⁸ Глава VI книги Х. Э. Ньеремберга, посвящённая этому загадочному существу, так и называется «An planta Borametz, seu agnifera, ad zoophyta spectet» («Относится ли растение Borametz, или рождающее агнцев, к зоофитам») (Nierembergius, 1635, p. 34–35).

²⁹ В этой публикации можно найти ссылки на вышедшие к началу XVIII в. работы других авторов, упоминавших загадочный баранец. К ним относятся: итальянский врач и математик Конрад Геснер (Conrad Gesner; 1516–1565); итальянец Рафаэль Барберини (Raffaello Barberini; 1532/39–1582), посетивший в 1694 г. Русское государство; немецкий врач Андреас Либавий (Andreas Libavius; 1555–1616); итальянский натуралист Улиссе Альдрованди (Ulisse Aldrovandi; 1522–605); французский капитан на русской службе Жак Маржерет (Jacques Margeret; 1565–1619); английский философ Фрэнсис Бэкон (Francis Bacon; 1561–1626); французский врач и книгоиздатель Теофраст Ренодо (Théophraste Renaudot; 1586–1653); посланник Карла II к Алексею Михайловичу в 1663 г., англичанин Чарльз Говард Карлайл (Карляйль, Карлейль) (Charles Howard, 1st Earl of Carlisle; 1629–1685); придворный врач Алексея Михайловича, англичанин Самуэль Коллинс (Samuel Collins; 1619–1670), а также авторы словарей, заметок в периодических изданиях, авторы художественных и иллюстративных произведений.

³⁰ Ян Якобс Сваммердам (Jan Iacobsa Swammerdam; 1637–1680) — голландский натуралист.

Таким образом, к началу 1720-х гг., когда И.Ф. Брейне получил в свою коллекцию «скифского агнца», в специальной литературе сформировалось неоднозначное представление об этом растении/зоофите и противоречивые его оценки³¹. Столь подробный обзор истории складывания мифа о загадочном зоофите, включая трансформацию его визуального образа, сыгравшего свою важную роль в формировании представлений о «скифском агнце», был предпринят с главной целью — показать, что в основе всей этой сказочной истории имеется рациональное зерно и обращение к этому вопросу передовых представителей научной мысли эпохи Просвещения неслучайно. Отсутствие научного описания и визуальной фиксации этого вида при первых о нём упоминаниях, а также возможные ошибки перевода текстов разноязычных авторов породили домыслы и вымыслы. Между тем рациональное начало заставляло авторитетных исследователей своего времени уделять этому вопросу своё внимание, и последующие поколения учёных, вплоть до начала XVIII в., не могли игнорировать мнения своих именитых предшественников. Среди исследователей, стремившихся получить ответ на этот вопрос, были также двое естествоиспытателей, имена которых вынесены в титул настоящей статьи.

Для И.Ф. Брейне, после изучения им этого вопроса³², решающим стало свидетельство «известного исследователя восточных земель» Энгельберта Кемпфера (*Engelbert Kämpfer*; 1651–1716). Так, И.Ф. Брейне приходит к заключению, что рассказы о зоофите, именуемом *Agnus Scythicus*, или «баранец», есть не что иное, как вымысел: «1. Поскольку ни один из достойных доверия авторов какого бы то ни было растительного агнца не видел. <...> 2. Поскольку ученейший и сведущий в натуральных науках доктор Энгельберт Кемпфер имел возможность провести поиски на предполагаемой родине этого агнца, однако ничего на него похожего не было обнаружено» (Breynius, 1726, s. 355–356).

В объяснении же сложившегося мифа И.Ф. Брейне апеллирует к доводам того же Э. Кемпфера. По словам путешественника, в некоторых районах на Каспийском море встречается порода овец, отличающаяся от европейских во многих отношениях, особенно превосходным качеством их меха, который используется татарами и персами для украшения одежды. Этот вид овчины европейские торговцы мехами называют «персидские *Varanken*», а свои особые качества мех приобретает потому, что снимается с нерождённых ягнят, вырезанных из чрева овец-матерей (Breynius, 1726, s. 356).

Так, развенчав миф о «скифском агнце», И. Ф. Брейне приступил к изучению привезённого для его коллекции образца. Внешний вид переданного ему *specimen* И.Ф. Брейне описывает следующим образом: примерно 6 футов в длину, голова с двумя ушами (которые скорее напоминали рога), четыре ноги, весь покрыт мохнатым шелковистым мехом темно-коричневого цвета, за исключением ушей и

³¹ Выражая искреннюю благодарность рецензенту статьи, следуя его советам и прибегая к предоставленной им информации, отметим, что название «баранец» (баранец обыкновенный, или плавун-баранец, или гуперция баранец, лат. *Huperzia selago* (L.) Bernh.) носит сегодня растение, принадлежащее к рецентному семейству Huperziaceae — баранцовые (Флора..., 1974, с. 58–59).

³² И.Ф. Брейне называет ряд авторов, писавших о скифском агнце (Хейтон, С. Герберштейн, Л. Сурий, Скалигер, Ф. Личети, А. Либавий, Ф. Бэкон, Х.Э. Ньеремберг, А. Кирхер, О. Ворм, А. Олеарий), однако цитирует не всех из них, а только Скалигера, А. Кирхера, О. Ворма, А. Дейсинга и Э. Кемпфера.

ног. Для полноты картины автор приложил к своей статье изображение (рис. 6). Внимательно изучив образец, И.Ф. Брейне пришёл к заключению, что это не животное, но и не растительный плод, а толстый узловатый корень или, скорее, стебель какого-то растения, которому искусственным способом был придан вид четвероногого животного, при этом ноги и голова не являются частью корня, но присоединены искусственно. Однако определить, что это было за растение, И.Ф. Брейне не смог, хотя и выдвинул предположение, что это одно из «волосатых» растений, стебли которых покрыты пушком или мхом и о которых есть множество свидетельств. Он не исключал, что это мог быть ещё не описанный вид, обнаруженный в Татарии. На основании этого он предположил, что таким образом (вырезая «барашков» из корней или стеблей растений) в России и Татарии пытаются придавать правдоподобие мифу о баранце (Breynius, 1725, s. 359–360).

Рис. 6. Экспонат коллекции И. Ф. Брейне (Breynius, 1726, post p. 360)
Fig. 6. Exhibit of the collection of J. Ph. Breyne (Breynius, 1726, after p. 360)

Высказать такую оценку было И.Ф. Брейне тем проще, что примерно двумя десятилетиями раньше в том же журнале были опубликованы сведения о подобном же «агнце». Известный английский врач и коллекционер Ганс Слоан (Слоун) (*Sir Hans Sloane*; 1660–1753) представил в журнале описание китайского кабинета, присланного в Лондонское королевское общество (Sloane, 1699a). В числе прочего он описал экспонат, присланный из Индии и называемый там «татарским агнцем» (*Tartarian Lamb*). «Он более фута длиной, размером с ладонь, имеет многочисленные выпуклости, внизу — стебли около 3–4 дюймов длины, похожие на стебли папоротника: снаружи и внутри. Большая его часть покрыта пушком темно-желтого цвета, блестящим, как шелк, некоторые ворсинки в четверть дюйма длиной» (Sloane, 1699b; ср.: Lowthorp, 1722, p. 646). В дополнение к описанию Г. Слоан приложил рисунок (рис. 7)³³. «О его происхож-

³³ Этот рисунок использовал для инсталляции Д. де Ла Круа; на фронтисписе своей книги он поместил картину, изображившую трёх «баранцов»: в центре — рисунок из книги И. Цана, слева — баранец Г. Слоана, поставленный «на ноги», а справа — вариант того, как мог бы

дени, — подчёркивает И.Ф. Брейне, — он того же мнения, что и я» (Vreunius, 1726, р. 360). Действительно, вывод Г. Слоана следующий: «Кажется, ему придана форма ягненка искусственно. Корни или наземные части похожи на тело, а стебли — на ноги». Между тем английский врач вполне серьёзно описывал лечебные свойства этого растения, которые ему были сообщены, очевидно, в Индии: «Этот пух обычно используется от кровотечения, около 6 гран — на дозу, а 3 дозы являются средством от геморрагии». Г. Слоан считал, что это то же растение, о котором сообщал другой английский врач Кристофер Меррет (*Christopher Merret (Merrett)*; 1614/1615–1695) под названием *Poco Sempie*, или *a Golden Moss* («золотой мох»), уверяя, что это тёплое растение³⁴. А ещё раньше, сообщает Г. Слоан, о нём писал доктор Браун (*Dr. Brown*)³⁵, уверявший, что жители Китая используют этот мох, или волосы, при кровотечении из свежей раны и что это средство так популярно, что лишь немногие не имеют его в своих домах.

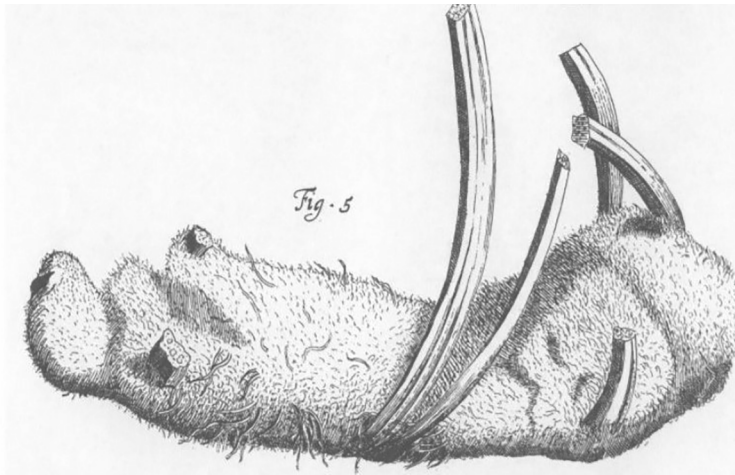

Рис. 7. Индийский экспонат «татарский агнец» (Sloan, 1699b, р. 460)
Fig. 7. Indian Exhibit «Tartarian Lamb» (Sloan, 1699b, р. 460)

выглядеть корень-барашек, аналогичный изображённому И. Цаном (*La Croix*, 1791) (рис. 8). Г. Ли воспроизвёл в своей книге и эту гравюру (*Lee*, 1887, р. 37).

³⁴ О том, что *Golden Moss* состоит из тонких, мягких и гибких нитей и считается прекрасным сердечным средством, К. Меррет пишет в приложении, добавленном им к книге английского ботаника Неемии Грю (*Nehemiah Grew*; 1641–1712). Проверя сообщения о том, что это растение растворяется в воде, К. Меррет провёл эксперимент и выяснил, что этот факт не соответствует действительности: препарат можно лишь жевать, а затем глотать со слюной (*Grew*, 1694, р. 386).

³⁵ Английский врач и писатель сэр Томас Браун (*Thomas Browne*; 1605–1682) писал о татарском агнце ещё в 1646 г. (первое издание его книги; репринтное издание вышло в 1981 г.): «...Превеликим чудом считается *Voramez*, это странное растение-животное, или растительный, «татарский овен», которое с удовольствием пожирают волки; оно имеет форму овна, при надломе испускает кровавый сок и продолжает жить даже тогда, когда все растения вокруг него погибают» (*Browne*, 1981, р. 227). Нет уверенности, что Г. Слоан имел в виду именно этого автора: в «*Philosophical Transactions*» публиковался также доктор Джон Браун (*John Brown*), в частности, в том же номере, где была напечатана «*dissertatiuncula*» И.Ф. Брейне (*Brown*, 1726).

Рис. 8. Agni Scythici в инсталляции Д. де Ла Кроа (La Croix, 1791, фронтиспис)
 Fig. 8. Agni Scythici in the installation of D. de La Croix (La Croix, 1791, frontispiece)

Отдельный интерес вызывает вопрос о том, кто же был тем «эрудированным и любознательным мужем», который привёз И.Ф. Брейне этого фальсифицированного агнца. «Dissertatiuncula» была передана в журнал Лондонского королевского общества за 1725 г.; доверяя утверждению И.Ф. Брейне, что гость, привёзший «агнца», посетил его около трёх лет назад, можем считать временем поступления экспоната в коллекцию 1722 г. Именно в этот год И.Ф. Брейне должен был получить важный и, очевидно, долгожданный для него «привет» из России.

Ещё в 1716 г. И.Ф. Брейне лично познакомился с российским царём — Петром I, который, находясь в занятом русскими войсками Данциге, посетил его знаменитый музей. Благодаря этому коллекционер смог рекомендовать на русскую службу своего коллегу и друга, данцигского врача, совсем недавно (в 1713 г.) защитившего свою докторскую диссертацию, Даниэля Готтлиба Мессершмидта (*Daniel Gottlieb Messerschmidt*; 1685–1735) (Лефельдт, 2019, с. 22–23). По этой протекции Д.Г. Мессершмидт вскоре (весной 1718 г.) прибыл в Петербург, а через год, 1 марта 1719 г., по указу царя был направлен с научными целями на восток; в российскую столицу путешественник вернулся через восемь лет, а его поездка стала первой научной экспедицией, в результате которой были собраны ценнейшие сведения о мало изученных тогда сибирских территориях.

Пребывая в Сибири, Д.Г. Мессершмидт не имел возможности общения со своим данцигским другом, однако в конце весны 1722 г. небольшой экспедиционный отряд Д.Г. Мессершмидта покинули два его спутника — два сотоварища из числа пленных шведов, которые присоединились к немецкому путешественнику в Тобольске еще в 1721 г., — капитан Филипп Иоганн (Табберт) фон Страленберг (*Philipp Iohan (Tabbert) von Strahlenberg*; 1676–1747) и Карл Густав Шульман (*Karl Gustav von Schulmann*; 1702–1765). 27 мая 1722 г. они оставили экспедиционный отряд, чтобы вернуться на родину. Особенно тесные духовные, дружеские и творческие узы связывали Д.Г. Мессершмидта с Ф.И. Страленбергом, и в ожидании его отъезда из экспедиции немецкий путешественник писал письма, которые Ф.И. Страленберг должен был увезти с собой — сначала в Петербург, а затем в Европу, в Германию. 20 мая 1722 г. Д.Г. Мессершмидт составил особенно подробное письмо, предназна-

ченное для И.Ф. Брейне. Это письмо вместе с приложением на пяти листах хранится в Научной библиотеке Готы (Германия)³⁶. Приложение представляет собой перечень образцов трёх царств природы, которые Д.Г. Мессершмидт передавал для И.Ф. Брейне в специальном ящике.

Письмо вместе с экспонатами для коллекции было доставлено И.Ф. Брейне не самим Ф.И. Страленбергом, а через посредство немецкого врача, доктора медицины Георга Ремуса (*Georg Remus*). Уроженец Данцига Г. Ремус с 1719 г. также находился на российской службе, исполняя обязанности сначала полкового врача, а затем — домашнего врача А.Д. Меншикова; эта служба закончилась осенью 1722 г., и немецкий врач готовился вернуться на родину (Рихтер, 1820, с. 163–165). В это время Г. Ремус со Ф.И. Страленбергом и встретились в Петербурге, и шведский капитан попросил врача передать в Данциг письмо Д.Г. Мессершмидта, поскольку сам возвращался непосредственно в Швецию. Ф.И. Брейне и Г. Ремус уже были знакомы друг с другом; Г. Ремус получил место на русской службе также по протекции своего данцигского коллеги. В отличие от Д.Г. Мессершмидта, Г. Ремус во время пребывания в России не утратил контактов со своим другом; известно, что 9 июля 1720 г. Г. Ремус отправил И.Ф. Брейне письмо, в котором рассказывал об открытых вблизи Олонца минеральных источниках; это письмо было опубликовано в Лейпциге ещё до возвращения врача в Данциг; здесь автор именуется адресата «своим высокочтимым покровителем и другом» (Remus, 1722).

Мог ли быть Г. Ремус тем самым гостем, что пополнил коллекцию И.Ф. Брейне экспонатом — «скифским агнцем»? Всё, что И.Ф. Брейне об этом сообщает, не противоречит идентификации этого «эрудированного и любознательного мужа» с Г. Ремусом. И то, что И.Ф. Брейне не называет конкретного имени, тоже вполне соответствует обстоятельствам, связанным с известными особенностями взаимоотношений между Д.Г. Мессершмидтом и столичными официальными кругами: И.Ф. Брейне должен был знать (мог быть предупреждён тем же Г. Ремусом) о категорическом запрете для Д.Г. Мессершмидта обнародования результатов своего путешествия. Очевидно, по этой причине и Ф.И. Страленберг в своей книге, опубликованной в Стокгольме по итогам многолетнего пребывания в Сибири, не называя никакого имени, пишет в предисловии: «<...> я ждал скорого возвращения моего хорошего друга, который провел в названных отдаленных краях еще больше времени, чем я, чтобы он вместо меня принял на себя этот труд, поскольку он как ученый сделал бы это, вероятно, лучше» (Strahlenberg, 1730, S. b2). Очевидно, под этим другом подразумевался именно Д.Г. Мессершмидт. Так и И.Ф. Брейне мог избегать упоминания имени Г. Ремуса, которого не сложно было связать с Д.Г. Мессершмидтом, либо не готов был его называть имени, поскольку тот был фактически уличён в передаче «фальсификата». Обо всех этих причинах можно только догадываться, если упоминаемой персоной был действительно Г. Ремус.

Если же это действительно был Г. Ремус, то, поскольку он выступал в первую очередь как посредник, основной вопрос заключается в том, мог ли быть Д.Г. Мессершмидт тем, кто приобрёл и передал в Данциг этот экспонат. Д.Г. Мессершмидт в своих сибирских исследованиях также периодически возвращался к вопросу загадочного «скифского агнца». В его сохранившемся документальном наследии обнаружено пять упоминаний об этом растении.

³⁶ Forschungsbibliothek Gotha. Chart. B 787. S. 209–209 v.

Два из них — это записи в тибетском словнике, зафиксированном на полях путевого дневника, начиная с записи за 5 марта 1725 г. и по запись за 22 марта 1725 г. (Зорин, 2021). В обеих словарных записях предложено идентичное тибетское слово, транскрибируемое самим Д.Г. Мессершмидтом (в соответствии с разработанной им системой транскрипции) как *Scheluk*³⁷ или *Scheläk*³⁸. В обоих случаях указан один и тот же латинский эквивалент — *Agnus Scythicus*; во втором случае дополнено уточнением о том, что по-русски называется *Borranetz*. А.В. Зорин отмечает эту запись среди тех случаев, когда к имеющемуся в словаре слову, которое Д.Г. Мессершмидтом записано как тибетское, не удалось подобрать никакого удовлетворительного соответствия среди корректных тибетских форм (Зорин, 2021, с. 328). По мнению А.В. Зорина, учитель тибетского языка у Д.Г. Мессершмидта, носивший имя Кара-Банди, был ойратом (Зорин, 2021, с. 320), а потому мог не знать эквивалентов для слов, запрашиваемых немецким путешественником, и мог попросту выдумывать тибетские слова, не имея правильного ответа. Так, очевидно, случилось и со «скифским агнцем», для которого был предложен вариант, не поддающийся внятной идентификации.

Даёт дополнительные сведения, но при этом не проясняет картину запись, сделанная в путевом дневнике 7 марта 1725 г.³⁹ Тогда Д.Г. Мессершмидт двигался из Читинского острога в Удинск, Кара-Банди сопровождал его и продолжал давать свои уроки. В тот день учитель сообщил несколько тибетских названий растений, в том числе — небольшого растения в фут высотой, вырастающего в виде бугорка размером с кулак и обретающего в итоге форму раскрытой ладони; его цветы располагаются на пальцеподобных отростках, которые можно отрезать и употреблять пищу. Судя по дневниковой записи, именно это растение Кара-Банди назвал по-тибетски *Schelak* (в такой форме это название записано Д.Г. Мессершмидтом в дневнике). Тогда-то Д.Г. Мессершмидт и выдвинул предположение, что это мог быть *Agnus Scythicus*, поэтому и записал в словнике именно такой латинский эквивалент. Это ещё одно ответвление мифа о скифском агнце, которое, по крайней мере, позволяет искать название растения, записанного в тибетском словаре Д.Г. Мессершмидта как *Schelak*, среди флоры Забайкалья.

С другой стороны, эта дневниковая запись свидетельствует о том, что весной 1725 г. немецкий путешественник верил в реальность существования *Agnus Scythicus*, поскольку после записи сообщения Кара-Банди о том, что он часто встречал это растение в горах по реке Чикой, Д.Г. Мессершмидт сетует: «Так что, похоже, нет прощения моему туда путешествию в октябре 1724». Но ещё более интересно дополнение автора дневника о том, что этот самый «*Agnus Scythicus*, или боромец» он собственноручно видел в Петербургском Императорском музее. Возможно, специальные поиски прольют свет на это упоминание, но в каталоге музея 1745 г. упоминания об *Agnus Scythicus* не обнаружено (Musei Imperialis Petropolitani, 1745).

³⁷ Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук (далее — СПбФ АРАН). Ф. 98. Оп. 1. Д. 4. Л. 51 об.

³⁸ Там же. Л. 60 об.

³⁹ Там же. Л. 44.

Четвертая запись об «агнце» сделана на оборотной стороне обложки небольшой рукописи «Index Botanicus» («Ботанический указатель»)⁴⁰: «Живуще Трава, *Borromez Tattaricus*; встречается в 400 верстах от Нижнего Новгорода, за Волгой по берегам рек на пустынной земле». Пятая запись об этом растении помещена в рукописи, составленной Д.Г. Мессершмидтом по итогам своего путешествия и содержащей основные результаты выполнения задания, полученного учёным перед отправкой в экспедицию. Рукопись носит название «Sibiria Perlustrata» («Описание Сибири»)⁴¹; она была составлена уже в Петербурге в 1727 г. и осталась неопубликованной⁴².

В соответствии с царским указом от 15 ноября 1718 г. Д.Г. Мессершмидт отправлялся в Сибирь «для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей, трав, цветов, кореня и семян и протчих принадлежащих статей в лекарственные составы»⁴³. Эта формулировка повторялась затем в целом ряде других писем, распоряжений и донесений, так или иначе относящихся к экспедиции Д.Г. Мессершмидта (Лефельдт, 2018, с. 388). Уже в Сибири Д.Г. Мессершмидт получил расширенное задание от руководителя Медицинской Канцелярии Ивана Лаврентьевича Блюментроста (1676–1756), составленное им 24 сентября 1719 г.: «Исполнить лишь отданное вам прежде приказание: тщательно записывать то, что дорогою в Казань и Сибирь будете находить примечательного в царстве животных, минералов и растений, и при случае посылать сюда, в особенности что касается до кореньев и лечебных трав»⁴⁴. Новый документ расширял сферу изысканий путешественника, обозначив «аптекарские вещи» в качестве лишь одной из составных частей исследований. Однако, как известно, отношения Д.Г. Мессершмидта и И.Л. Блюментроста были далеко не простыми, и «Sibiria Perlustrata» фактически подчёркивает то, что первоначальным (царским) заданием был поиск объектов, интересных с точки зрения фармакогнозии.

Основная часть рукописи представляет собой перечень, разбитый на три раздела: *Regnum minerale*, *Regnum vegetabile*, *Regnum animale*. Описание каждого вида из всех трёх царств природы сформировано в три колонки: 1) номенклатурные и обиходные названия вида, 2) указание известных мест распространения вида, 3) указание мест обнаружения в Сибири. Список, как обозначено самим Д.Г. Мессершмидтом, опирается на известный фармакологический труд Самуэля Дейла (*Samuel Dale*; 1659–1739) (*Dale*, 1707), который был в походной библиотеке Д.Г. Мессершмидта⁴⁵.

Так, в разделе «Sibiria perlustrata», посвящённом царству растений, имеется сообщение о «скифском агнце»: «*Agnus Scythicus Off[icinis]* по Дейлу; у него же — пушок *Poco-Sempie Officinis*; подобный неким ямайским древовидным папоротникам; *Borometz* у Ворма,

⁴⁰ Полное название «Index Botanicus Sibiriae juxta denominationem Tournefortii designat. in itineribus per Russiam Siberiam & Tattariam majorem susceptis A[nn]o 1719, 1720, 1721 & seqq.»: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 19.

⁴¹ Там же. Д. 22.

⁴² В 2020 г. в СПбФ АРАН было предпринято её факсимильное издание (Messerschmidt, 2020).

⁴³ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32. Л. 2.

⁴⁴ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 21. Л. 100.

⁴⁵ Состав походной библиотеки известен, прежде всего, благодаря подробному перечню вещей, который Д.Г. Мессершмидт составил в Иркутске в июне 1725 г. перед отправкой в обратный путь до Петербурга; в перечне имеется и книга С. Дейла: Там же. Д. 4. Л. 133.

Баугина⁴⁶ и др., Дейла; возможно, Турнефора⁴⁷). Об известных местах распространения во второй колонке сообщено: «В Китае и Татарию — по Дейлу»⁴⁸.

С. Дейл в своём труде действительно посвятил специальный раздел этому растению (Dale, 1707, p. 48), в начале которого, согласно традиции описания видов в работах по ботанике и зоологии, сложившейся к тому времени, дал встречающиеся в специальной литературе названия: *Agnus Scythicus*; *Scythicus Borometz*⁴⁹; *Tartaricus* [Borometz]⁵⁰; *Frutex Tartericus*⁵¹. В качестве мест распространения С. Дейл указал Китай и Татарию и повторил идентификацию Г. Слоана с растением, названным К. Мерретом «золотой мох», а также описанные Г. Слоаном фармакологические свойства пушка этого растения — как кровоостанавливающего средства. Рассказы Скалигера и других о «скифском агнце» С. Дейл считал сказочными и сосредоточил своё внимание на лечебных свойствах волосков растения, которое С. Дейл также был склонен относить к папоротникам, встречающимся, в частности, на Ямайке. Как кажется, впервые в литературе у С. Дейла в качестве мест распространения *Agnus Scythicus* появляется Китай; очевидно, так была трактована информация Г. Слоана о том, что баранец находился в китайском кабинете доктора Бакли, и сообщение доктора Брауна о популярности этого средства в Китае. За две сотни лет, разделяющие описания С. Герберштейна и С. Дейла, миф о баранце претерпел весьма существенные трансформации.

Для Д.Г. Мессершмидта описание С. Дейла стало, по всей видимости, базовым⁵². Можно предполагать, что эта книга была для немецкого путешественника, отправившегося в Сибирь в поисках «аптекарских вещей», чем-то вроде путеводителя, а потому он не мог игнорировать упоминания С. Дейла о «скифском агнце» и, наряду с прочими, пытался получить о нём информацию. Сведения о «Живутце Трава» в «Index Botanicus», могли быть записаны ещё по пути в Сибирь, пролежавшем через приволжские земли, или же получены от какого-либо сведущего лица во время путешествия по другим землям⁵³. Очевидно, во время обучения восточным языкам у

⁴⁶ Иоганн Баугин (Johann (Jean Johannes) Bauhin; 1541–1613) — швейцарский ботаник.

⁴⁷ Жозеф Питтон де Турнефор (Joseph Pitton de Tournefort; 1656–1708) — французский ботаник.

⁴⁸ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 161.

⁴⁹ Со ссылкой на труд И. Баугина и швейцарского ботаника и врача Иоганна Шерлера (Johann Heinrich Cherler; 1570–1610), изданный Домиником Шабре (Dominique Chabré; 1610–1667?) (Chabraeus, 1650, p. 406).

⁵⁰ Со ссылкой на Г. Слоана.

⁵¹ Со ссылкой на Каспара Баугина (Gaspard (Caspar) Bauhin; 1560–1624) — швейцарского натуралиста.

⁵² Базовым, но, очевидно, не единственным. Как мы видели, кроме имён предшественников, упомянутых самым С. Дейлом (И. Баугин, К. Баугин), Д.Г. Мессершмидт называет также имя О. Ворма, с работой которого он был, очевидно, знаком, поскольку многократно на неё ссылается в прочих своих описаниях (книги О. Ворма в перечне 1725 г. не обнаружено, однако Д.Г. Мессершмидт мог иметь к ней доступ уже в Петербурге при работе над своей рукописью).

⁵³ Сведения могли быть получены от русскоговорящего информанта, поскольку впервые появился русский термин для обозначения этого растения. Обращает на себя внимание тот факт, что в «Index Botanicus» употреблено название, использовавшееся в западно-

ламы Кара-Банди Д.Г. Мессершмидт не мог упустить случая и не попытаться получить информацию о загадочном животном-растении, которое, как следовало из слов С. Дейла, могло произрастать в Китае. Однако Кара-Банди не имел, очевидно, представления о «скифском агнце», хотя и попытался скрыть это⁵⁴.

В любом случае *de visu* за Уралом Д.Г. Мессершмидту не довелось наблюдать это растение, о чем и сообщается в третьей колонке записи в «*Sibiria Perlustrata*»: «В Сибири нигде не наблюдается». Относительно поволжского региона (*in regno Astracaniae*) Д.Г. Мессершмидт также сообщает, что при самых тщательных поисках исследователей никаких следов этого растения не удалось обнаружить, и справедливо резюмирует, что многочисленные домыслы затуманили историю этого растения и внесли в неё путаницу, и одновременно выражает надежду, что, вероятно, когда-нибудь призраки будут рассеяны и окажется, что едва ли была необходимость во всех тех усилиях, которые прилагали к его поиску. А в заключительной фразе Д.Г. Мессершмидт позволил себе эмоциональную оценку: «*Gaudet Mundus noster lactari mendaceis*» («Наш мир склонен питаться вымыслами»).

Такова очевидная оценка Д.Г. Мессершмидта свидетельств, касающихся «скифского агнца». Это мнение было высказано через пять лет после написания письма к И.Ф. Брейне, однако косвенным доказательством того, что оно не сильно отличалось от того, которого Д.Г. Мессершмидт придерживался в 1722 г., является упоминание об этом растении у Ф.И. Страленберга. Вернувшись на родину, шведский капитан вскоре опубликовал книгу, содержащую сибирский материал, собранный в том числе во время совместного путешествия с немецким другом и коллегой. В публикациях последнего времени не раз было показано, что в книге Ф.И. Страленберга зачастую отражены результаты и мнения, совместно подготовленные и выработанные Д.Г. Мессершмидтом и Ф.И. Страленбергом во время их продуктивного общения и сотрудничества. Ф.И. Страленберг поместил в книге следующую заметку: «*Boranez*⁵⁵. Я не смог узнать о нем ни у кого из татар и русских, и никто ничего не знал о таком растении, ни о его мехе, который из него может быть изготовлен, откуда следует заключить, что, поскольку никто из достойных доверия писателей этого не подтверждает, это, очевидно, лишь сказка» (Strahlenberg, 1730, S. 334).

Письмо Д.Г. Мессершмидта к И.Ф. Брейне также не содержит доказательств посылки немецким путешественником образца «скифского агнца» для музея И.Ф. Брейне. Как было сказано, к письму прилагался перечень отправленных в

европейской специальной литературе — *Wogamez*, в то время как в тибетском словнике дан более корректный русский вариант — *Woganez*. Это может свидетельствовать о том, что Д.Г. Мессершмидт вёл поиски если не самого растения, то сведений о нём в русскоязычной среде.

⁵⁴ Интересно, почему это слово оказалось записанным в словник дважды. Очевидно, следует исключить вариант, что Д.Г. Мессершмидт получил похожие варианты слова от разных лиц; это могло быть результатом простого дублирования записи при перенесении словника в дневник из рабочих черновых записей.

⁵⁵ Отметим, что Ф.И. Страленбергом употреблена более корректная русская форма *Woganez*, что, очевидно, стало результатом уточнения информации об этом растении; этот факт мог быть косвенным доказательством того, что запись Д.Г. Мессершмидта в «*Index botanicus*» могла быть сделана ранее времени отъезда шведского капитана из экспедиции, если, конечно, Ф.И. Страленберг не углубил свои познания об этом предмете в более позднее время самостоятельно.

Данциг минералов, растений и животных — *Agnus Scythicus* среди них не встречается.

В завершение — взгляд из России, рефлексии о «скифском агнце», записанные Н.И. Костомаровым:

Русские уверяли иностранцев, что в низовьях Волги живет “животно-растение” — баранец; он приносит плод, похожий на ягненка. Стебель его идет через пупок и возвышается на три пяди; ноги мохнатая, рогов нет, передняя часть, как у рака, а задняя совершенное мясо. Оно живет, не сходя с места, до тех пор, пока имеет вокруг себя пищу. Показывали меховые шапки и уверяли удивленных западных европейцев, что эти шапки из меха «баранца» (Костомаров, 1860, с. 184).

Так, миф о неведомом растении/зоофите под названием «баранец», или *Agnus Scythicus*, был привезён в Европу путешественниками XVI в., посетившими русские (поволжские) земли. Мы далеки от желания определить, какое именно растение положило начало этому мифу, хотя по первым описаниям хорошо узнаётся арбуз, не имевший тогда ещё в Европе широкого распространения. Постепенно рассказ о баранце обрастает новыми подробностями, преобразившими исходную версию. Очень рано появляется представление о том, что плод растения имеет мех, притом прекрасного качества. Как кажется, местные (поволжские) купцы охотно эти рассказы поддерживали: либо в интересах коммерции, либо из-за непонимания, что иностранцы имеют в виду под «баранцом». Увеличивающееся число естественнонаучных трудов, представивших в том числе описания вновь открытых для Европы и науки экзотических растений, ещё более усложнили и запутали мифологему, так что к началу XVIII в., хотя этот «вид» и продолжал регулярно упоминаться в специальной ботанической литературе, рассказы о нём всё чаще стали трактоваться как вымысел. Но, прежде чем научные круги вычеркнули из перечня ботанических видов *Agnus Scythicus*, возник новый виток интереса к этому зоофиту, и интерес этот был связан с распространением традиции создания музейных собраний под влиянием эпохи, стремившейся, по оценке Т.Ф. Роскета, именовать и инвентаризировать окружающий мир (Rosset, 2014). Для подкрепления рассказов об удивительном растении авторы стали предлагать его изображения, а затем в музейных коллекциях Европы стали появляться и экспонаты — псевдообразцы «вида» *Agnus Scythicus* (в литературе описаны, как минимум два таких случая — Г. Слоаном и И.Ф. Брейне), правда, моментально уличённые в фальшивости и И.Ф. Брейне, и Д.Г. Мессершмидт также были в числе исследователей этого «вида»; не желая бездоказательно отрицать мнение авторитетных предшественников, они приняли участие в изучении, а Д.Г. Мессершмидт отчасти и в поиске, загадочного «скифского агнца», но пришли к заключению о сказочности рассказа о нём и несостоятельности попыток представить в коллекциях «натуралий» образцов *Agnus Scythicus*.

Литература

Герберштейн С. Записки о Московии: в 2 т. Т. 1. / Пер. А.И. Малеина, А.В. Назаренко. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 776 с.

Зорин А.В. Тибетский словник в путевом дневнике Д.Г. Мессершмидта // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готтлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727) / Сост. Е.Ю. Басаргина, Л.Д. Бондарь, И.В. Тункина, отв. ред. И.В. Тункина. СПб.: Реноме, 2021. С. 319–329 (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки. Вып. 19).

Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб.: тип. К. Вульфа, 1860. 214 с.

Лефельдт В. Тобольский рапорт Д.Г. Мессершмидта как образец программы ученого для исследования Сибири // Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия / Отв. ред. И.В. Тункина. СПб.: Реноме, 2018. С. 387–394 (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки. Вып. 14).

Лефельдт В. Д.Г. Мессершмидт: биографическая канва и хронология событий // Первый исследователь Сибири Д.Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721 / Сост. Е.Ю. Басаргина, С.И. Зенкевич, В. Лефельдт, А.Л. Хосроев; под общ. ред. Е.Ю. Басаргиной. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 19–32 (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки. Suppl. 7).

Мерво М. К истории одного мифа: баранец // Пинакотекa. 2001. № 1–2 (13–14). С. 57–64.

Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу тосканскому Козьме Третьему о Московии // Утверждение династии / Пер. А.И. Станкевича. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 379–407.

Рихтер В.М. История медицины в России. Ч. 3 / Пер. Н.А. Бекетова. М.: Университетская типография, 1820. 679 с.

Стрейс Я.Я. Три путешествия / Пер. Э. Бородиной, под ред. А. Морозова, введ. А. Гайсинович. [М.]: Соцэкгиз, 1935. 415 с.

Флора европейской части СССР. Т. 1 / Под ред. А.А. Федорова. Л.: Наука, 1974. 403 с.

Breynius J. Dissertatiuncula de Agno Vegetabili Scythico, Borametz Vulgo Dicto // Philosophical Transactions. 1726. Vol. 33 (For the years 1724, 1725). P. 353–360.

Brown J. De Camphora // Philosophical Transactions. 1726. Vol. 33 (For the years 1724, 1725). P. 361–366.

Browne T. Pseudoxia Epidemica [Repr.]. Oxford: Clarendon Press, 1981. 1198 pp.

Chabraeus D. (ed.). Historia plantarum universalis, nova et absolutissima cum consensu et dissensu circa eas auctoribus I. Bauhino, I. H. Cherlero. Ebroduni, 1650. 1041 pp.

Colin A. Histoire des simples medicamens apportés de l’Amerique: desquels on se sert en la Medecine. 2me ed. Lyon: Aux despens de Iean Pillehotte, 1619. 262 pp.

Dale S. Pharmacologiae, seu manuductionis ad materiam medicam supplementum: Medicamenta officinalia simplicia priore Libro ommissa, complectens; ut et notas generum characteristicas, specierum synonyma, differentias et vire. Bremae: Apud Philippum Godofredum Saurman, 1707. 377 pp.

Deusingius A. Fasciculus dissertationum selectarum, ab autore collectarum ac recognitarum cum auctario. Groningue: Typis Johannis Colleni, 1660. 644 pp.

Duret C. Histoire admirable des plantes et herbes esmerueillables et miraculeuses en nature: mesmes d’aucunes qui sont vrays zoophytes, ou plant-animales plantes & animaux tout ensemble, pour auoir vie vegetatiue sensitive & animale: avec leurs portraits au naturel, selon les histoires, descriptions, voyages, & nauigations des anciens & modernes. Paris: Chez Nicolas Buon, 1605. 341 pp.

Grew N. Musaeum Regalis Societatis, or A catalogue & description of the natural and artificial rarities belonging to the Royal Society and preserved at Gresham Colledge. London: Printed for Hugh Newman at the Grashopper in the Poultry, 1694. 429 pp.

Haithonus Armenus. Ordinis Praemonstratensis De Tartaris liber // Novus orbis regionum ac insularum veteribus incognitarum. Basileae: Apud Io. Hervagium, 1555. P. 402–448.

Herberstein S. Rerum Moscoviticarum Commentarii. Viennae, 1549. 205 pp.

Kaempfer E. Amoenitatum exoticarum politico-physico-medicarum fasciculi V, quibus continentur variae relationes, observationes et descriptiones rerum Persicarum et ulterioris Asiae, multâ attentione. Lemgoviae: Typis & impensis H.W. Meyeri, 1712. 912 pp.

Kircher A. Magnes sive De arte magnetica opus tripartitum. 3a ed. Romae: Typis Vitalis Mascardi, 1654. 618 pp.

La Croix D. de. Connubia florum Latino carmine demonstrata. Bathoniae: Ex. typographia S. Hazard, 1791. 138 pp.

Lee H. The vegetable lamb of Tartary; a curious fable of the cotton plant. To which is added a sketch of the history of cotton and the cotton trade. London: S. Low, Marston, Searle, & Rivington, 1887. 112 pp.

Licetus F. De spontaneo viventium ortu. Vicetiae: Ex type D. Amadei; apud F. Bolzetam, 1618. 323 pp.

Lowthorp J. (ed.). The Philosophical Transactions and collections to the end of the year 1700 Abridged and disposed under General Heads. Vol. 2. London: Printed for J. Knapton, 1722. 915 pp.

Mandeville J. The travels of Sir John Mandeville; the version of the Cotton manuscript in modern spelling, with three narratives, in illustration of it, from Hakluyt's "Navigations, voyages & discoveries". London: Macmillan and Co. Limited; New York: The Macmillan Company, 1900. 390 pp.

Mervaud M. Diderot et l'Agnus Scythicus: le mythe et son histoire // Studies on Voltaire and the Eighteenth Century Norwich. 2003. № 1. P. 65–103.

Messerschmidt D.G. Sibiria Perlustrata, etc. [Репр.]. СПб.: Коло, 2020. 394 л.

Musei Imperialis Petropolitani. Pars secunda qua continentur res naturales ex regno vegetabili. Petropoli: Typis Academiae Scientiarum, 1745. 636 pp.

Nierembergius I.E. Historia natuae, maxime peregrinae. Antverpiae: Ex officina Plantiniana Balthasaris Moreti, 1635. 502 pp.

Olearius A. Ausführliche Beschreibung der kundbaren Reyse nach Muscow und Persien, so durch gelegenheit einer Holsteinischen Gesandtschaft aus Gottorf auß an Michael Fedorowitz den grossen Zaar in Muscow, und Schach Sefi König in Persien geschehen. Schließwig: In der Fürstl. Druckerey, 1663. 766 S.

Parkinson J. Paradisi in sole Paradisus Terrestris. Or a Garden of all sorts of pleasant flowers. London: Humfrey Lownes and Robert Young, 1629. 612 pp.

Remus G. De aquis mineralibus Olonizensibus, Epistola ad virum excellentissimum et experientissimum, D. Johannem Philippum Breynium, Med. doct. et fautorem et amicum suum plurimum colendum // *Breynius J.Ph.* Epistola de melonibus petrefactis montis Carmel vulgo creditis. Lipsiae: Literis Immanuelis Titii, 1722. P. 27–34.

Reutenfels I. De rebus Muschoviticis ad serenissimum Magnum Hetruriae Ducem Cosmum tertium. Patavii: Typis P.M. Frambotti, 1680. 296 pp.

Reutenfels I. De rebus Muschoviticis ad serenissimum Magnum Hetruriae Ducem Cosmum tertium. [Repr.]. London; New York: Routledge Curzon, 2003. 296 pp.

Rosset T.F. de. Kolekcja artystyczna geneza, rozkwit, kryzys // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Zabytkoznawstwo i konserwatorstwo. T. 45. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2014. S. 253–285.

Scaliger J.C. Exotericarum exercitationum liber XV. Frankofurti: Apud Andream Wechelum, 1576. 1135 pp.

Sloane H. An Account of a China Cabinet, Filled with Several Instruments, Fruits, etc. Used in China: Sent to the Royal Society by Mr. Buckley, Chief Surgeon at Fort St. George // Philosophical Transactions. Vol. 20 (For the year 1698). 1699a. P. 390–392.

Sloane H. A further Account of the Contents of the China Cabinet mentioned last transaction, p. 390 // Philosophical Transactions. Vol. 20 (For the year 1698). 1699b. P. 461–462.

Strahlenberg Ph.J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das ganze Russische Reich mit Siberien und der grossen Ta tarey in sich begreiffet in einer historisch-geografischen Beschreibung der alten und neuern Zeiten und vielen andern unbekanntten Nachrichten vorgestellt, nebst einer, noch niemals ans Licht gegebenen Tabula polyglotta von zwei und dreissigerley Arten Tatarischer Völcker, Sprachen und einem Kalmuckischen Vocabulario. Stockholm: in Verlegung des Autoris, 1730. 438 S.

Struys J.J. Drie aanmerkelijke en seer rampspoedige reysen: door Italien, Griekenlandt, Lijflandt, Moscovien, Tartarijen, Meden, Persien, Oost-Indien, Japan, en verscheyden andere gewesten. Amsterdam: By Jacob van Meurs en Johannes van Someren, 1676. 377 B.

Surius L. Commentarius brevis rerum in orbe gestarum, ab anno salutis 1500. usque in annum 1568. Coloniae: Apud Geruuinum Calenium, & hæredes Iohannis Quentel, 1568. 938 pp.

Wormus O. Museum Wormianum, seu Historia rerum rariorum: tam naturalium, quam artificialium, tam domesticarum, quam exoticarum, quae Hafniae Danorum in aedibus auctoris servantur. Lugduni Batavorum: Apud Iohannem Elsevirium, 1655. 389 pp.

Zahn I. Specula physico-mathematico-historica notabilium ac mirabilium sciendorum: in qua mundi mirabilis oeconomia, nec non mirificè amplius, et magnificus ejusdem abdite reconditus, nunc autem ad lucem protractus, ac ad varias perfacili methodo acquirendas scientias in epitomen collectus thesaurus. T. 2. Norimbergae: Sumptibus Joannis Christophori Lochner bibliopolae, 1696. 470 pp.

“Gaudet Mundus noster lactari mendaceis” J.Ph. Breyne, D.G. Messerschmidt and a mysterious Agnus Scythicus

WERNER LEHFELDT¹, LARISA D. BONDAR²

¹ Göttingen Academy of Sciences, Göttingen, Germany; w.lehfeldt@t-online.de

² St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; archive@spbrc.nw.ru

The article considers the myth of a plant known as Agnus Scythicus or “Boramez” (“Baranets” or “Barometz” or the Tartar, Scythian or vegetable lamb) by the 17th century. This myth was brought to Europe by the 16th century travelers who had visited Russian lands (Volga region). The earliest descriptions of this plant suggest it could have been watermelon that had not been widespread in Europe at the time. The story of Boramez gradually sprouted new details which distorted the original version. A growing number of natural-science studies that, inter alia, offered the descriptions of exotic plants that were new for Europeans, had further elaborated on this myth so that, by the beginning of the 18th century, this “species” began to be increasingly interpreted as absolutely fictitious. After a while, to make their stories about this extraordinary plant more credible, the authors began to supplement them with pictures and, subsequently, the false “specimens” of the “species” of Agnus Scythicus began to be exhibited in the European museums. At least two examples of this were described by Sir Hans Sloane and J. P. Breyne, although the latter and D.G. Messerschmidt, whose forgery was quickly exposed, became the researchers of this “species,” with Messerschmidt even taking some part in the search for this mysterious Agnus Scythicus, but in the end they concluded that the stories about “Scythian Lamb” were fables and the attempts to exhibit the specimens of Agnus Scythicus in the collections of naturalia were invalid.

Keywords: Agnus Scythicus, Tatarian Lamb, Johann Philipp Breyne, Daniel Gottlieb Messerschmidt.

References

Breynius J. (1726). Dissertatiuncula de Agno Vegetabili Scythico, Borametz Vulgo Dicto, *Philosophical Transactions*, 33, 353–360. (in Latin).

- Brown J. (1726). De Camphora, *Philosophical Transactions*, 33, 361–366. (in Latin).
- Browne T. (1981). *Pseudoxia Epidemica [Repr.]*, Oxford: Clarendon Press. (in Latin).
- Chabraeus D. (ed.) (1650). *Historia plantarum universalis, nova et absolutissima cum consensu et dissensu circa eas auctoribus I. Bauhino, I.H. Cherlero, Ebroduni*. (in Latin).
- Colin A. (1619). *Histoire des simples medicamens apportés de l’Amerique: desquels on se sert en la Medecine. 2me ed.*, Lyon: Aux despens de Iean Pillehotte. (in French).
- Dale S. (1707). *Pharmacologiae, seu manuductionis ad materiam medicam supplementum: Medicamenta officinalia simplicia priore Libro omissa, complectens; ut et notas generum characteristicas, specierum synonyma, differentias et vire*, Breae: Apud Philippum Godofredum Saurman. (in Latin).
- Deusingius A. (1660). *Fasciculus dissertationum selectarum, ab autore collectarum ac recognitarum cum auctario*, Groningue: Typis Johannis Colleni. (in Latin).
- Duret C. (1605). *Histoire admirable des plantes et herbes esmerueillables et miraculeuses en nature: mesmes d’aucunes qui sont vrays zoophytes, ou plant-animales, plantes & animaux tout ensemble, pour auoir vie vegetatiue sensitiue & animale: avec leurs portraits au naturel, selon les histoires, descriptions, voyages, & nauigations des anciens & modernes*, Paris: Chez Nicolas Buon. (in Latin).
- Fedorov A.A. (ed.) (1974). *Flora evropejskoj chasti SSSR. T. 1* [Flora of the European part of the USSR. Vol. 1], Leningrad: Nauka. (in Russian).
- Grew N. (1694). *Musaeum Regalis Societatis, or A catalogue & description of the natural and artificial rarities belonging to the Royal Society and preserved at Gresham Colledge*, London: Printed for Hugh Newman at the Grashopper in the Poultry.
- Haithonus Armenus (1555). *Ordinis Praemonstratensis De Tartaris liber, Novus orbis regionum ac insularum veteribus incognitarum*, (pp. 402–448), Basileae: Apud Io. Hervagium. (in Latin).
- Herberstein S. (1549). *Rerum Moscoviticarum Commentarii*, Vienna. (in Latin).
- Herberstein S. (2008). *Zapiski o Moskovii: v 2-kh tomakh. T. 1* [Notes on Muscovy: in 2 volumes. Vol. 1], Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli. (in Russian).
- Kaempfer E. (1712). *Amoenitatum exoticarum politico-physico-medicarum fasciculi V, quibus continentur variae relationes, observationes et descriptiones rerum Persicarum et ulterioris Asiae, multâ attentione*, Lemgoviae: Typis & impensis H.W. Meyeri. (in Latin).
- Kircher A. (1654). *Magnes sive De arte magnetica opus tripartitum. 3a ed.*, Romae: Typis Vitalis Mascardi. (in Latin).
- Kostomarov N.I. (1860). *Ocherk domashnej zhizni i nravov velikoruskogo naroda v XVI i XVII stoletiiah* [An essay on the domestic life and customs of the Great Russian people in the XVI and XVII centuries], St. Petersburg: tip. K. Vul’fa. (in Russian).
- La Croix D. de (1791). *Connubia florum Latino carmine demonstrate*, Bathoniae: Ex. typographia S. Hazard. (in Latin).
- Lee H. (1887). *The vegetable lamb of Tartary; a curious fable of the cotton plant. To which is added a sketch of the history of cotton and the cotton trade*, London: S. Low, Marston, Searle, & Rivington.
- Lehfeldt W. (2018). Tobol’skii raport D.G. Messershmida kak obrazecz programmy uchenogo dlia issledovaniia Sibiri [D. G. Messerschmidt’s Tobolsk Report as an example of a scientist’s programme for the exploration of Siberia], *Millerovskie chteniia — 2018: Preemstvennost’ i tradicii v sokhraneni i izuchenii dokumental’nogo akademicheskogo naslediia* [The Mueller Readings — 2018: Continuity and traditions in the preservation and study of the documentary academic heritage], (pp. 387–394), St. Petersburg: Renome. (in Russian).
- Lehfeldt W. (2019). D.G. Messershmidt: biograficheskai kanva i khronologii sobytii [D.G. Messerschmidt: a biographical outline and chronology of events], *Pervyi issledovatel’ Sibiri D.G. Messershmidt: Pis’ma i dokumenty. 1716–1721* [The first explorer of Siberia, D.G. Messerschmidt: Letters and documents. 1716–1721], (pp. 19–32), St. Petersburg: Nestor-Istoriia. (in Russian).
- Licetus F. (1618). *De spontaneo viventium ortu*, Vicetiae: Ex type D. Amadei; apud F. Bolzetam. (in Latin).
- Lowthorp J. (ed.). (1722). *The Philosophical Transactions and collections to the end of the year 1700 Abridged and disposed under General Heads, 2*, London: Printed for J. Knapton.

Mandeville J. (1900). *The travels of Sir John Mandeville; the version of the Cotton manuscript in modern spelling, with three narratives, in illustration of it, from Hakluyt's "Navigations, voyages & discoveries"*, London: Macmillan and Co. Limited; New York: The Macmillan Company.

Mervaud M. (2001). K istorii odnogo mifa: baranec [On the history of a myth: baranets], *Pinakoteka* [Pinakothek], 1–2 (13–14), 57–64 (in Russian).

Mervaud M. (2003). Diderot et l'Agnus Scythicus: le mythe et son histoire, *Studies on Voltaire and the Eighteenth Century Norwich*, 1, 65–103. (in French).

Messerschmidt D.G. (2020). *Sibiria Perlustrata, etc. [Repr.]*, St. Petersburg: Kolo. (in Latin).

Musei Imperialis Petropolitani Pars secunda qua continentur res naturales ex regno vegetabili. (1745). Petropoli: Typis Academiae Scientiarum. (in Latin).

Nieremberg I.E. (1635). *Historia natuae, maxime peregrinae*, Antverpiae: Ex officina Plantiniana Balthasaris Moreti. (in Latin).

Olearius A. (1663). *Ausführliche Beschreibung der kundbaren Reyse nach Muscow und Persien, so durch gelegenheit einer Holsteinischen Gesandtschaft aus Gottorf auß an Michael Fedorowitz den grossen Zaar in Muscow, und Schach Sefi König in Persien geschehen*, Schließwig: in der Fürstl. Druckerey. (in German).

Parkinson J. (1629). *Paradisi in sole Paradisus Terrestris. Or a Garden of all sorts of pleasant flowers*, London: Humfrey Lownes and Robert Young.

Remus G. (1722). De aquis mineralibus Olonizensibus, Epistola ad virum excellentissimum et experientissimum, D. Johannem Philippum Breynium, Med. doct. et fautorem et amicum suum plurimum colendum. In Breynius J.Ph., *Epistola de melonibus petrefactis montis Carmel vulgo creditis* (pp. 27–34), Lipsiae: Literis Immanuelis Titii. (in Latin).

Reutenfels I. (1680). *De rebus Muschoviticis ad serenissimum Magnum Hetruriae Ducem Cosmum tertium*, Patavii: Typis P.M. Frambotti. (in Latin).

Reutenfels I. (2003). *De rebus Muschoviticis ad serenissimum Magnum Hetruriae Ducem Cosmum tertium. [Repr.]*, London; New York: Routledge Curzon. (in Latin).

Reutenfels J. (1997). Skazaniia svetleishemu gertcogu toskanskomu Koz'me Tret'emu o Moskovii [The stories about Muscovy for the Most Serene Duke of Tuscany, Cosimo III], *Utverzhdenie dinastii* [The assertion of the dynasty], (pp. 379–407), Moscow: Fond Sergeia Dubova. (in Russian).

Richter W.M. (1820). *Istoriia meditsiny v Rossii. T. 3* [The history of medicine in Russia. Vol. 3], Moscow: Universitetskaia tipografiia. (in Russian).

Rosset T.F. de (2014). Kolekcja artystyczna geneza, rozkwit, *Acta Universitatis Nicolai Copernici. Zabytkoznawstwo i konserwatorstwo*, (Vol. 45, pp. 253–285), Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika. (in Polish).

Scaliger J.C. (1576). *Exotericarum exercitationum liber XV*, Frankofurti: Apud Andream Wechelum. (in Latin).

Sloane H. (1699a). An Account of a China Cabinet, Filled with Several Instruments, Fruits, etc. Used in China: Sent to the Royal Society by Mr. Buckley, Chief Surgeon at Fort St. George, *Philosophical Transactions*, 20, 390–392.

Sloane H. (1699b). A further Account of the Contents of the China Cabinet mentioned last transaction, p. 390. *Philosophical Transactions*, 20, 461–462.

Strahlenberg Ph.J. (1730). *Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das ganze Russische Reich mit Siberien und der grossen Tatarey in sich begreiffet in einer historisch-geografischen Beschreibung der alten und neuern Zeiten und vielen andern unbekanntten Nachrichten vorgestellt, nebst einer, noch niemals ans Licht gegebenen Tabula polyglotta von zwei und dreissigerley Arten Tatarischer Völcker, Sprachen und einem Kalmuckischen Vocabulario*, Stockholm: in Verlegung des Autoris. (in German).

Struys J.J. (1676). *Drie aanmerkelijke en seer rampspoedige reysen: door Italien, Griekenland, Lijfflandt, Moscovien, Tartarijen, Meden, Persien, Oost-Indien, Japan, en verscheyden andere gewesten*, Amsterdam: By Jacob van Meurs en Johannes van Someren. (in Dutch).

Struys J.J. (1935). *Tri puteshestviia* [Three journeys], Moscow: Sotcekgiz. (in Russian).

Surius L. (1568). *Commentarius brevis rerum in orbe gestarum, ab anno salutis 1500. usque in annum 1568*, Coloniae: Apud Geruuinum Calenium, & hæredes Iohannis Quentel. (in Latin).

Wormus O. (1655). *Museum Wormianum, seu Historia rerum rariorum: tam naturalium, quam artificialium, tam domesticarum, quam exoticarum, quae Hafniae Danorum in aedibus authoris servantur*, Lugduni Batavorum: Apud Iohannem Elsevirium. (in Latin).

Zahn I. (1696). *Specula physico-mathematico-historica notabilium ac mirabilium sciendorum: in qua mundi mirabilis oeconomia, nec non mirificè amplius, et magnificus ejusdem abdite reconditus, nunc autem ad lucem protractus, ac ad varias perfacili methodo acquirendas scientias in epitomen collectus thesaurus*, 2, Norimbergae: Sumptibus Joannis Christophori Lochner bibliopolae. (in Latin).

Zorin A.V. (2021). Tibetskii slovník v putevom dnevnike D.G. Messershmidta [A Tibetan dictionary in the travel journal of D.G. Messerschmidt], *K 300-letiiu nachala ekspeditcii Daniela Gotliba Messershmidta v Sibir' (1719–1727)* [In commemoration of the 300th anniversary of the beginning of Daniel Gottlieb Messerschmidt's expedition to Siberia (1719–1727)], (pp. 319–329), St. Petersburg: Renome. (in Russian).